

Текст · 6 апреля 2022, 15:28

Никита Сологуб,

«Никто не подписывался быть мясом». Автор паблика «Военный омбудсмен» — о том, как в России отказываются воевать (таких случаев уже сотни)

За полтора месяца войны уже не раз появлялись сообщения о том, что военнослужащие или сотрудники Росгвардии отказываются участвовать в боевых действиях на территории Украины.

К примеру, в начале февраля командир взвода оперативной роты ОМОН «Пластун» Фарид Читав и 11 его подчиненных проходили учения «Заслон — 2022» в Крыму, а 25 февраля командование предложило им отправиться в Украину. Нацгвардейцы ответили, что это незаконно. Тогда их вернули в Краснодар, а после служебной проверки уволили. Все омовцы подали иски о незаконном увольнении, но позже девять из них отозвали жалобы.

12 марта украинское издание «Грати» написало, что воевать отказались около 80 российских срочников и контрактников из числа морпехов — они попали в зону боевых действий в Херсонской области, часть оказалась под минометным обстрелом, после чего многие написали рапорта об отказе от участия в «специальной операции».

В конце марта отказалась воевать часть контрактников 4-й гвардейской военной базы в Цхинвале, где служат как россияне, так и жители самопровозглашенной Южной Осетии. Около 300 человек вернулись в республику из Украины. Вероятно, это произошло из-за того, что один из солдат подорвался на mine, а генерал запретил забирать его тело.

4 апреля стало известно, что еще в начале войны участвовать в боях отказались II омонцев из Хакасии — они тоже были на учениях на западе России и в Беларуси, из амуниции у них были только орудия для подавления протестов — щиты и дубинки — при этом они попали под обстрел из тяжелого вооружения. Семеро были ранены, один пропал без вести, утверждает местное издание «Новый Фокус».

Наконец, сегодня «Псковская губерния» написала о 60 военных, которых после первых дней войны вывели в Беларусь, после чего они вернулись в место дислокации — в Псков. Сейчас большую часть из них увольняют, а некоторым угрожают уголовным делом.

Чем грозят подобные отказы, могут ли военные и сотрудники Росгвардии попасть под увольнение или уголовное дело, «Медиазона» решила обсудить с Максимом Гребенюком, автором паблика «Военный омбудсмен», который консультирует тех, кто не хочет воевать.

От военного ветеринара до «военного омбудсмена»

Максим Гребенюк родился в Ростовской области, отучился на врача ветеринарной медицины в военном

вузе^[1] в Москве, а с 2009 года стал работать на Северном флоте^[2] — помощником командира бригады морской пехоты по правовой работе. Уже во время службы получил юридическое образование^[3], в 2012 году перешел в военную прокуратуру — сначала был помощником военного прокурора в гарнизоне в Амурской области^[4], потом служил в Чечне^[5] и Севастополе, а с 2016 года по 2020-й, уже после присоединения Крыма к России — в Джанкое.

Максим Гребенюк. Фото: личная страница ВКонтакте

Потом снова переехал на Дальний Восток, в военную прокуратуру Уссурийского гарнизона, но вскоре уволился в звании майора юстиции. В начале этого года Гребенюк получил статус адвоката^[6] в Приморском крае.

Гребенюк вспоминает, что еще на заре своей карьеры проводил время на юридических форумах, отвечая на вопросы, связанные с военной службой. В декабре 2020 года он создал «ВКонтакте» паблик «Военный омбудсмен», который ведет до сих пор. «Я помогаю только военнослужащим, потому что военное право несколько отличается от гражданского», — объясняет он. Сейчас у паблика почти 12 тысяч подписчиков.

Помощь «военного омбудсмена» бывает как безвозмездной, так и платной — например, за полное экспертно-юридическое сопровождение увольнения со службы назначена цена в 100 тысяч рублей. Но 26 февраля, сразу после начала войны, Гребенюк написал: «Объявляю о бесплатной юридической помощи военнослужащим, попавшим в сложную правовую ситуацию из-за последних событий».

Отказники. «Сделал вывод, что личный состав отправляют на верную гибель»

С начала войны поступило около 40 обращений, адвокат консультирует военнослужащих по телефону или в чатах. Все они не хотят участвовать во вторжении в Украину, но опасаются увольнения или уголовного преследования.

Тот, кто не хочет ехать в Украину, должен написать об этом рапорт. Гребенюк знает от своих бывших коллег, что сейчас в кабинетах прокуроров и следователей в приграничных регионах скопилась «масса рапортов отказников, там стопки уже до потолка».

«Прокуроры и следователи не знают, что делать с ними, — говорит Гребенюк. — Дело возбуждать нельзя, не направлять материалы никуда — тоже

нельзя, поэтому они ничего и не делают. Только участвуют в запугивании военнослужащих — если не поедешь, то возбудим дело^[7]».

Несколько таких рапортов адвокат передал «Медиазоне». Например, один из военнослужащих пишет, что за несколько дней до начала войны стал выполнять задачи в составе группы сотрудников ФСБ^[8] в качестве водителя автомобиля «Урал».

Через несколько недель он несколько раз попал под артиллерийский обстрел, а еще неделю спустя руководитель группы предложил солдату переместиться еще дальше «в небезопасный район». Водитель ответил отказом, отметив в рапорте, что считает нецелесообразным свое пребывание в новой дислокации «с целью сохранения себе жизни и здоровья».

Другой военный — тоже водитель — в рапорте сообщил, что за несколько дней до войны был отправлен в командировку «для выполнения специальных задач», стал попадать под обстрелы, «видел потери военной техники и личного состава», из чего «сделал вывод о том, что личный состав отправляют на передний край боевых действий, на верную гибель».

Через несколько недель он обратился к командиру и сказал, что свое участие считает «нецелесообразным», «возвращаться после отступлений на передний край не желает».

«Туда нередко заезжают на тентованных "Уралах", покрытых брезентом, и пули, грубо говоря, свистели

по салону, по кузову, — комментирует Гребенюк. — И военнослужащие, уже имевшие опыт в Чеченской республике, которые, ну, не сказать, что трусы там какие-то, многие понимают, что так нельзя просто — никто не подписывался под то, чтобы быть мясом. Поэтому очень многие отказываются».

Дела за отказ воевать не заводят, всем угрожают увольнениями

В российском Уголовном кодексе для военнослужащих есть целых 22 статьи, они образуют главу 33 УК — преступления против военной службы. Но к преследованию за отказ воевать с Украиной можно подвести лишь одну из них, считает Гребенюк — статью 332 УК, «неисполнение приказа, причинившее существенный вред интересам службы».

До сих пор ни одно дело по этой статье, знает бывший прокурор от своих коллег, возбуждено после 24 февраля не было: «Проблема в том, что приказов об участии в боевых действиях на заграничной территории не существует, ведь у нас не введено военное положение. Военнослужащих просто ставят перед фактом — едем туда, открываем огонь там. Их мнение — готовы они или не готовы — спрашивают только на стадии укомплектовывания. Тем, кто говорит, что готовы, дают приказ. А тот, кто не готов — он приказ этот не получает вообще».

Помимо этого, отмечает адвокат, статья предполагает, что неисполнение приказа нанесло «существенный ущерб интересам службы», а доказать это в отсутствие военного положения невозможно. «Наше законодательство все же строилось под мирное

время. Поэтому существенный вред — это, например, когда военные на своей территории защищают воинскую часть, оставили ее, а она сгорела. А в данном случае каким образом будет существенный ущерб? К тому же ведь у нас транслируется через СМИ, что все хорошо, что все идет по плану, все поставленные задачи выполнены, а в случае возбуждения дела придется объяснять, какая боевая задача была сорвана. Военнослужащий получит копию с описанием такого ущерба и сможет разместить в СМИ, а это нам не выгодно», — рассуждает юрист.

Саму статью 332 УК Гребенюк считает мертвой — практически не применяющейся на деле^[9]. «В моей практике был только один случай — в Чечне, когда Крым комплектовали войсками, а военнослужащие в Чечне получали намного больше, и не захотели ехать в Евпаторию, — вспоминает адвокат. — Им выдали приказ, они демонстративно отказались, прямо перед строем. Там возбудили дело, но это признание — царица доказательств — сработало. А в случае с военной операцией можно и оправдательный приговор получить, потому что я не вижу, как можно в данном случае доказать вред интересам службы. Но дела просто не возбуждают».

Гребенюк констатирует, что если, несмотря на запугивания уголовным делом, «военнослужащий проявляет твердость, его быстренько увольняют по невыполнению условий контракта». В одной из российских частей после такого отказа командование Росгвардии ознакомило около 500^[10] военнослужащих с проектом приказа об увольнении.

В нем говорится, что они будут уволены в связи с «самовольным отказом продолжать участие в выполнении служебно-боевых задач» — это случилось примерно через неделю после начала войны в одной из приграничных с Украиной областей. До этого часть принимала участие в учениях «Заслон-2022». К Гребенюку обратились трое росгвардейцев.

«Вообще роль росгвардейцев в спецоперации заключается в том, что они принимают под охрану объекты, взятые Минобороны — электростанции и так далее, они легко вооружены и к условиям боевых действий не готовы. Но тут получилось так, что они попали в столкновение с тяжеловооруженными подразделениями ВСУ. Ко мне обратились пока три человека — один хочет уволиться, лишь бы дело не возбуждали, другие двое и ехать не хотят, и увольняться, потому что у них ипотека военная. Вот ждем, чем это все закончится», — говорит Гребенюк.

Пока что никого из этой части не уволили и всех отказников отправили в отпуск. Сколько росгвардейцев под угрозой увольнения передумало и согласилось отправиться воевать, неизвестно.

Адвокат считает, что честнее было бы, если бы в России все же ввели военное положение. «Тогда все было бы последовательно — действуют законы военного времени, статья за невыполнение приказа более жесткая и более структурированная, — рассуждает он. — А так у нас мирное время, и конструкция статьи не позволяет привлекать за то, что где-то там за границей, во время какой-то

спецоперации кто-то не выполнил приказ, который даже документально не был оформлен».

Редактор: Егор Сковорода

1. В Военно-ветеринарном институте. Институт ликвидировали в 2020 году.
2. В 61-й бригаде морской пехоты Северного флота.
3. В Мурманском государственном техническом университете.
4. С 2012 по 2013 год Гребенюк был помощником военного прокурора Белогорского гарнизона; упоминание о нем действительно можно найти в статье амурских «Вестей» 2012 года.
5. В поселке Ханкала; там же, говорит Гребенюк, он получил опыт участия в боевых действиях — выезжал для проверок в зоны проведения контртеррористических операций.
6. Сейчас Гребенюк переводится из адвокатской палаты Приморского края в адвокатскую палату Москвы, поэтому обнаружить его в реестрах адвокатов невозможно. Однако Гребенюк показал справку от Минюста, подтверждающую его статус.
7. По статье 332 УК (неисполнение приказа).
8. Гребенюк объясняет, что на украинской территории сотрудники ФСБ осуществляют контрразведывательную функцию в российских войсках.
9. Судебный департамент при Верховном суде практически не публикует данные судебной статистики по статьям из главы о преступлениях против военной службы.
10. «Медиазона» не называет точную цифру военнослужащих и номер воинской части по просьбе Гребенюка и обратившихся к нему военнослужащих, но сам документ есть в распоряжении редакции.